

3.6. СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО К КОНЦУ XX ВЕКА

Сельское население: феномен роста

Кризис и реформы 1990-х гг. привнесли столь существенные изменения в эволюционные тренды динамики сельского населения, что они требуют специального и подробного рассмотрения. С другой стороны, незавершенность процесса и наличие большого пласта литературы, посвященной этим вопросам, позволяют в этой книге ограничиться лишь констатацией наиболее значимых тенденций.

Как мы уже отмечали в части, посвященной городам, начало 1990-х гг. характеризуется прекращением роста городского населения и сменой знака динамики сельского с отрицательного на положительный (**табл. 3.6.1**). Сначала (в 1991–1992 гг.) ее породили возвраты сельского статуса поселениям, а в 1992–1994 гг. — активные миграции в село. Устойчивое высокое сальдо миграций связано с межрайонными (например, из Магадана в курское село) и международными (туда же из Ташкента) миграциями (Зайончковская, 1997, 1999; Население России, 1999). В среднем около 40% прибывающих в регионы направлялись в село, хотя его доля в населении регионов в 1,5–2 раза ниже, а большинство приезжих — выходцы из городов.

Почему же люди ехали в сельскую местность? Не только же из-за политики миграционных служб! Упрощенно общая ситуация сводилась к тому, что на селе легче с жильем, хотя труднее с работой и заработком. При сильном перепаде цен да еще в стрессовых обстоятельствах фактор пристанища часто перевешивал все другие. Плюс возможность получить землю, иногда кредит на постройку дома. Тем не менее для очень многих приезжающих в села горожан, особенно из бывших республик СССР, это лишь временная остановка на пути в город. Когда к середине 1990-х выяснилось, что и при кризисе заработать легче все же в городе, притом крупном, миграции снова канализовались в города¹.

Поскольку определяющим фактором изменения динамики сельского населения стали межрайонные и международные миграции, есть смысл проследить их региональные вариации. Как и городские, сельские мигранты развернулись с востока на запад. Если в предыдущем десятилетии (1979–1988 гг.) положительный миграционный прирост на селе в Европейской России был только в пригородных Московской и Ленинградской областях, а также на Ставрополье, то уже в 1990 г. число таких регионов достигло 11,

¹ См. об этом подробнее в главе 2.6.

Таблица 3.6.1. Прирост сельского населения и его составляющие (тыс. чел.) в 1959–1998 гг.

Год	Всего прирост/убыль	В том числе		
		естественный прирост	миграционный прирост	административные преобразования
1959	-607,9	1045,4	-1289,2	-364,1
1979	-557,1	121,8	-525,6	-153,3
1989	-207,4	143,7	-272,9	-78,2
1990	-58,0	88,0	-72,6	-73,4
1991	278,6	44,3	57,4	185,9
1992	721,2	-30,2	289,5	461,9
1993	150,9	-184,1	264,0	71,0
1994	64,9	-227,3	272,4	19,8
1995	-112,7	-219,3	96,2	10,4
1996	-146,6	-239,0	34,2	58,8
1997	-132,9	-233,0	56,4	43,7
1998	-194,8	-206,9	44,5	-32,4

Источники: Демографический ежегодник..., 1995; Численность и миграции..., 1997, 1998, 1999.

а к середине 1990-х население в села притягивали почти все регионы Европейской части, кроме северных². Но зона максимальной аттрактивности, как и для городов (см. главу 2.7), находится к югу и юго-западу от Москвы.

Апогеем притока населения стал 1994 г. Тогда в 23 регионах общее сальдо миграций в села даже превышало соответствующее сальдо в города. К 1998 г. таких регионов осталось только 10. Это прежде всего равнинное Предкавказье, а также некоторые республики: Дагестан, Северная Осетия, Ингушетия. Из других регионов — Оренбургская, Курганская, а также Тамбовская и Ульяновская области (Численность и миграции, 1998).

В 1992 г. произошел еще один важный перелом — вековой устойчивый естественный прирост сельского населения сменился на убыль: смертность стала выше рождаемости. Поначалу миграции в села даже перекрывали естественную убыль, но с 1995 г. сельское население стало вновь сокращаться, как и до 1990-х, только уже по другим причинам (табл. 3.6.1).

Проследить, как сказываются новые реалии на изменении сельского расселения, довольно сложно, так как наиболее полную картину по поселениям дает только перепись населения. Попробуем это сделать косвенно — путем соотношения потерь и притока сельского населения в разных регионах и на разные даты (табл. 3.6.2).

² Особый случай стрессовых миграций из горячих точек Северного Кавказа здесь не рассматривается.

Таблица 3.6.2. Типология регионов Европейской России по соотношению естественного и миграционного прироста на селе в 1990, 1994 и 1998 гг.

Типы регионов	Число регионов			Доля типа в сельском населении Европейской России, в %		
	1990	1994	1998	1990	1994	1998
Регионы, где рождаемость выше смертности, в т. ч.						
Тип 1. С миграционным притоком	4	7	3	12,1	7,9	5,4
Тип 2. С миграционным оттоком	25	2	5	38,9	2,5	2,8
Регионы, где смертность выше рождаемости, в т. ч.						
Тип 3. С миграционным оттоком	20	8	12	26,2	10,2	17,8
Тип 4. С миграционным притоком, не превышающим естественную убыль	5	20	30	13,8	30,7	55,1
Тип 5. С миграционным притоком, превышающим естественную убыль	2	19	6	9,0	48,7	18,9
Итого	56	56	56	100	100	100

Рассчитано автором по данным: Народное хозяйство., 1991; Демографический ежегодник, 1995; Численность и миграции населения., 1999.

Общее число регионов с положительным сальдо миграций в деревню увеличилось в Европейской части с 11 в 1990 г. до 46 в 1994 и снизилось к 1998 г. до 39. Тем не менее заметное изменение в сельском расселении можно ожидать в тех случаях, когда эти миграции перекрывают естественную убыль (Тип 5). В 1994 г. таких регионов было 19, и они концентрировали половину сельского населения – это почти вся южная часть Европейской России (Нефедова, 1997, с. 60; Ioffe, Nefedova, 1997, с. 186). Но за четыре последующих года их доля упала более чем вдвое. Из оставшихся к 1998 г. 6 регионов лишь один северо-кавказский – Ставрополье, остальные волжские (Самарская, Саратовская области и Татарстан) и южно-уральские (Челябинская и Оренбургская области).

Таким образом, и в 1990-х гг. в районах наибольшей депопуляции миграционный приток в села не смог перекрыть прогрессирующую убыль населения. Например, в Ярославской области наметившиеся были тенденции роста сельского населения переломились с 1997 г. И прежде эти тенденции обеспечивались не столько за счет притока населения в село, который был меньше естественной убыли, сколько за счет административных преобразований поселков городского типа и маленьких городков в села, что давало преимущества их жителям в получении большего надела земли в собственность. Тем не менее еле заметное кратковременное улучшение демографической ситуации все же произошло. За первую половину 1990-х доля сельского населения старше трудоспособного возраста на периферии уменьшилась на 1–2%, все равно оставаясь на уровне трети и даже более от всех селян (Демографические процессы., 1996). Есте-

венная убыль старого населения все увеличивалась, а динамика сельского населения к концу десятилетия почти вернулась на уровень 1990 г.

Более того, в той же Ярославской области, как и во многих среднерусских областях, уже к 1995 г. почти восстановилась и прежняя картина внутрирегиональных перемещений. Периферийные административные районы активно теряли сельское население, в то время как в пригородном Ярославском до $\frac{1}{5}$ всего миграционного прироста составляли внутренние переселенцы (Демографические процессы..., 1996, с. 175). Но есть и отличия. Если прежде сельское население области стягивали и некоторые другие города (Рыбинск, Ростов), то теперь оно концентрируется вокруг областного центра (не только в Ярославском, но и в соседних административных районах), а также на юге на границе с Московской областью, поскольку Переяславский район стал фактически пригородной дачной местностью Москвы³.

Таким образом, описанная в главе 3.2 картина концентрации населения и размыва среднего звена поселений, особенно характерная для мелкоселенных районов, так и не смогла измениться за 1990-е гг. К сожалению, нет данных для анализа изменения размеров поселений внутри регионов в 1990-х гг. Но сравнение внутриобластной поселенческой структуры Ярославской области за 1996 и 1959 гг. показывает, что и в самом конце века мы видим все ту же картину, что сложилась к 1980-м гг. Более того, распад сети на полюсные крупные и мелкие поселения и очень высокая доля последних наблюдаются как вблизи крупных городов, так и на периферии области, что иллюстрирует **табл. 3.6.3**. Даже в пригородном и полупригородных административных районах вдоль транспортных магистралей Москва—Ярославль—Рыбинск и Ярославль—Кострома 68% составляет доля поселений, в которых живет менее 25 человек, а почти половину — поселения, где менее 10 жителей. Число таких поселений увеличилось по сравнению

Таблица 3.6.3. Доля сельских поселений разного размера в их общем числе в пригородных и периферийных районах Ярославской области в 1959 и 1996 гг., в %

Размер поселений, чел.	Пригородные и примагистральные районы		Периферийные районы	
	1959	1996	1959	1996
Менее 10	10	45	11	46
10–25	14	23	20	26
25–50	23	13	30	15
50–100	29	7	27	6
100–200	17	4	10	4
Более 200	7	8	2	3

Рассчитано автором по: Демографические процессы..., 1996, с. 50–51.

³ См. главу 4.2 о пригородах.

с 1959 г. в три раза, в то время как поселения среднего размера (25–100 человек) уменьшились за 1959–1996 гг. с 4,7 до 1 тыс.

Конечно, в пригородах доля крупных поселений чуть больше, и они концентрируют гораздо большую долю сельского населения. Но главное различие между пригородными и периферийными районами не в этом. Сохранение в пригородах столь большого числа мелких поселений с отмирающими сельскохозяйственными функциями в 1990-х гг. стало следствием не столько деградации, сколько устойчивости сельской местности, так как она сохраняется и используется горожанами, как местными, так и москвичами, давно уже скупившими сельские дома в транспортно доступных местах⁴. Иное дело — сельская глубинка, где доля дачников невелика. Там половина поселений с двумя-тремя семьями — это реальная деградация огромных пространств сельской России.

Хватает ли рабочих рук на селе?

При характеристике российской деревни в XX в., в том числе и в самом его конце, большое внимание уделяется сельскому хозяйству. Отчасти это оправдано тем, что даже в такой урбанизированной стране, какой стала Россия, ее село, в отличие от многих развитых стран, все еще остается сельскохозяйственным.

Официально в сельской местности США живет 26% населения — ровно столько, сколько и в России. Однако из них сельским хозяйством занимаются очень небольшая доля — только 7% селян (Residents..., 1993). Остальные заняты в «городских» отраслях, в основном в сервисе. Личное сельское хозяйство американские сельские жители практически не ведут. Так что сельская местность и сельское хозяйство в Америке отнюдь не одно и то же. Там при росте сельского населения в последние десятилетия количество фермеров постоянно снижалось. В России же наблюдалось почти параллельное сокращение сельского населения и занятых в сельском хозяйстве. В отличие от Запада, понятия сельской местности и сельского хозяйства у нас во многом идентичны. На предприятиях агросектора числится более половины занятых в сельской местности и 22% сельского населения, т. е. в три раза больше, чем в Америке (рассчитано по: Россия в цифрах, 2000). Плюс к этому около 10% трудоспособных сельских жителей официально заняты в своем приусадебном хозяйстве. Сельские пенсионеры тоже работают на личном подворье, и вообще крестьянским трудом занимается большинство жителей села. Выше всего эта доля в аграрных районах — Черноземье, Поволжье, на Северном Кавказе. Региональные различия велики и в Америке. На Среднем Западе, главной традиционной житнице страны, в сельском хозяйстве занято 13% сельского населения. А на Северо-Востоке — не больше 2% (Residents..., 1993).

Итак, сельская Россия конца века — это все еще крестьянский мир, сельская Америка — давно уже нет. Дело не в том, сколько людей занимается сельским хозяйством, дело в том, как они это делают. По американской статистике, 40% занятых в агропроизводстве — собственники, трудящиеся на своих фермах (там же). Остальные — рабочие

⁴ См. главу 4.2.

и члены фермерских семей. Нетрудно подсчитать, что в среднем на 1 ферму приходится полтора наемного работника. Не густо, если учесть средний размер ферм. В среднем 2–3 человека управляют там на 160 гектарах. В России на такой площади обычно занято несколько десятков человек. Да и производительность труда несопоставима. Если, например, американский фермер кормит 74 жителя США и 27 иностранцев, то наш крестьянин и в докризисных 80-х кормил от силы 8–15 россиян.

Таким образом, дело не в числе селян, которых в нашем селе больше, чем в развитых западных странах, а в производительности их труда, которая зависит от множества факторов: экономических, демографических, социальных. Даже приток населения в сельскую местность в 1990-х не изменил ситуацию кардинально. Ведь если на периферии нечерноземных областей доля населения старше трудоспособного возраста в сельской местности составляла в середине 90-х гг. 33–40% (Демографические процессы..., 1996), а само это население рассредоточено по поселкам менее 25 человек, то очевидно, что такая сельская местность не может служить базой для крупных товарных коллективных предприятий. Да и сам труд в сельскохозяйственных предприятиях в позднесоветское время стал самым непрестижным и самым непопулярным, даже при немалом росте зарплат, которые к 1990 г. достигли 95% среднероссийского уровня (Труд и занятость..., 1996, с. 97). Что же говорить о последующих годах, когда зарплата в сельском хозяйстве вновь упала до 50% среднероссийской!

Тем не менее, положительное сальдо миграций не могло не сказаться на занятости в агросекторе. Число работников сельскохозяйственных предприятий поначалу постепенно увеличивалось, максимально в 1992 г. — на 3,7% и в 1994 г. — на 1,7% (рассчитано по: Труд и занятость, 1996; Россия в цифрах, 2000). Частично этот прирост обеспечивали и бурно растущие в первой половине десятилетия фермерские хозяйства, но росла занятость и в колхозах (или их новых формах ТОО, АО и т. п.). Однако после спада волны максимальных миграций, начиная уже с 1995 г., занятость в агросекторе вновь начинает падать. К 2000 г. на сельскохозяйственных предприятиях было занято 89% от числа работников 1990 года. Здесь, конечно, сказались и описанные выше демографические процессы, прежде всего естественная убыль стареющего сельского населения, которую не смогли перекрыть внешние миграции в села. Но, кроме того, весьма характерен уход людей из коллективных хозяйств на свое подворье и превращение его в товарное без оформления юридического лица — т. е. *теневая фермеризация*, о сути которой будет подробнее рассказано в этой главе. Частное теневое предпринимательство в сельской местности получило гораздо более широкое развитие, чем даже в городской (см. главу 2.7), поскольку опиралось на главный вечный ресурс — землю, и во многих районах с полностью деградировавшими коллективными предприятиями стало единственным возможным способом выживания.

С этим отчасти связан и такой новый российский феномен, как сельская безработица. В некоторых областях Нечерноземья она достигает 15%, как и во многих автономиях. Однако вычленить собственно сельскую безработицу можно только в периферийных районах, удаленных от городских мест приложения труда. Именно там она особенно высока. Тем не менее это феномен во многом парадоксальный, поскольку безработные

часто специально уходят из колхозов и живут на доходы от своего товарного личного хозяйства, которые могут превышать и пособие по безработице, и былой заработок.

Аграрные реформы 90-х годов

Что же привнесли кризис и реформы конца XX века в сельскую местность?

Кризис сельского хозяйства нельзя трактовать только как часть общего экономического кризиса страны 1990-х гг. Это итог эволюции колхозно-совхозного сельского хозяйства с низкой производительностью коллективных хозяйств и привычкой к государственному протекционизму. В России нынешнему обвалу сельского хозяйства предшествовали замедление роста, стагнация, переходящая в 1980-х гг. кое-где в спад производства, нарастающее отставание продуктивности земель и скота от Запада, огромные структурные диспропорции. Таким образом, реформы начались на фоне разрастающегося внутреннего кризиса сельского хозяйства, который был резко усилен разрушением сложившейся системы сбыта и поставок продукции, либерализацией цен и уменьшением финансовой поддержки в большинстве своем убыточных предприятий.

В 1996–1998 гг. в России насчитывалось около 20% рентабельных коллективных хозяйств (Сельское хозяйство в России, 2000, с. 116). Большинство их — либо в южных зонах, либо в пригородах. Еще четверть бывших колхозов и совхозов в 1999–2000 гг. при улучшении экономической ситуации вышли из категории убыточных. А что делать с оставшейся половиной практически недееспособных хозяйств, не знает никто. Большая их часть находится в глубинке. Они практически перестали быть товарными производителями, но ведь за ними — люди, которым при неразвитости других сфер приложения труда в сельской местности негде работать и некуда ехать.

За 1991–1998 гг. объем сельскохозяйственной продукции сократился на треть, при этом коллективные хозяйства уменьшили производство более чем вдвое. Особенно пострадало техническое обеспечение. поголовье крупного рогатого скота упало в два раза, уменьшилась и его продуктивность.

Реорганизация колхозов и совхозов в 1992–1993 гг. превратила их в товарищества и ассоциации, но при тех же людях, тех же начальниках, методах функционирования и финансирования. Тем не менее появилась возможность выхода из бывшего колхоза со своим, хотя и очень небольшим, наделом земли. Только к концу века общество вернулось к прежним целям Столыпинской реформы — разрушению общины и стимулированию товарного крестьянского хозяйства. Однако случаев дробления коллективных хозяйств не так много. Да и надежды на фермеров не оправдались.

Возвращение к истокам?

Число фермеров начало бурно расти в начале 90-х гг., однако в середине десятилетия произошел перелом, и в последние годы их становится меньше и меньше. К 2000 г. их тем не менее осталось 261 тысяча. Занимают они около 6% сельскохозяйственных земель (Сельское хозяйство в России, 2000, с. 88). Средний размер участка в Европейской России составляет 10–20 га. Процесс активного формирования новых фермерских хозяйств приостановился в связи с тем, что 10–15% крестьян, которые, согласно опросам, хотели стать фермерами, к середине 1990-х вышли из колхозов и совхозов (Серова, 1999, с. 407). Уменьшился к этому времени и миграционный приток в села, а следовательно стало меньше переселенцев и беженцев, в том числе горожан, пробующих себя в целях выживания в фермерском труде. Кроме того, активная поддержка фермеров прекратилась, они были поставлены в те же условия, что и остальные сельскохозяйственные производители. В результате мелкие фермерские хозяйства оказались неконкурентноспособными по сравнению с крупными коллективными хозяйствами, но не в силу низкой эффективности (производительность у фермеров выше), а в смысле доступа к рыночной инфраструктуре.

Спонтанное преобразование сельского хозяйства России пошло по пути роста не фермерских, а личных подсобных крестьянских хозяйств, при этом большинство крестьян продолжают работать в коллективных хозяйствах. При возможности во многих регионах использовать для личного хозяйства до 1–2 га вовсе не нужно забирать из колхоза весь свой пай в частную собственность. Некоторые увольняются, оставаясь пайщиками коллективного хозяйства, и живут, подрабатывая продукцией, получаемой на своем небольшом участке земли. Более того, указ Президента 1996 г. «О конституционных правах граждан на землю», разрешающий крестьянам при выходе из коллективного хозяйства изъять свой участок земли в соответствии с размером пая, позволил расширить личное хозяйство до 5–7 га, не оформляя юридически новую хозяйственную единицу — фермера, облагаемого множеством налогов.

В результате к XXI веку Россия вновь подошла с большой долей натурального и мелкотоварного сельского хозяйства. По официальной статистике доля хозяйств населения к 2000 г. составляла 60% всей агропродукции, фермеры давали только 2% и коллективные предприятия — 38% (Россия в цифрах, 2000, с. 198). Доля земель населения, включая и дачно-садоводческие участки горожан, увеличилась до 10%. Т. е. по формальным статистическим показателям доля земель в собственности крестьян после реформ конца века вновь стала приближаться к показателям начала века (напомним, что после Столыпинских реформ в собственности крестьян было 8% земель, в личном владении вне наделных земель — 10% (табл. 3.5.2). Однако официальные данные о личном землевладении в течении всего XX в. были явно занижены. Если учесть пашню, пастбища и луга, выделенные дополнительно ЛПХ, а также корма и зерно, полученные в виде натуральной оплаты, и аренду земельных долей, то общая площадь, используемая ЛПХ в 1990 г., составляла 16%, а в 1998 — 32% сельхозугодий (Пошкус, 1999).

Очевидно, что подобный переход на мелкотоварное и полунатуральное хозяйство для страны, где $\frac{3}{4}$ населения проживает в городах, а 36% — в крупных городах, — явление кризисное и временное. Основными поставщиками сельскохозяйственной продукции в города были и останутся коллективные хозяйства.

Большинство российских крестьян держится за бывшие колхозы, так как их личное хозяйство может существовать только в тесном симбиозе с коллективным. Столь высокая доля личного подсобного хозяйства, доходящая в некоторых периферийных районах до 80% общего производства, невозможна без скрытого подключения средств разваливающихся колхозов. Колхозы выполняют роль общины и даже помещика начала века, поддерживая, особенно в глубинке, население техникой, кормами, удобрениями, дешевыми продуктами. Да и продукция населения часто сдается через колхозы. Взаимное воровство (колхозы месяцами не платят крестьянам, а те несут домой все, что плохо лежит) тоже стало законом реальной жизни.

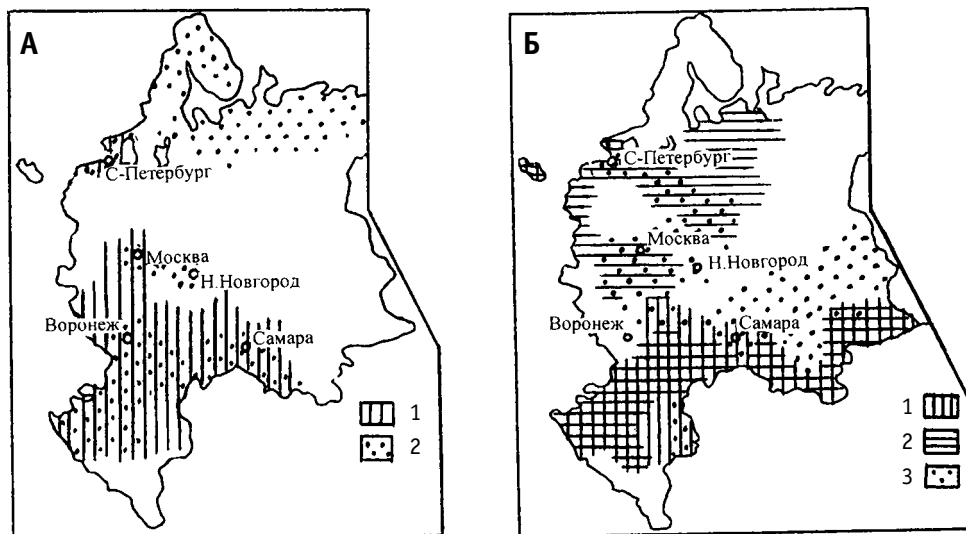
Таким образом, общинная психология, усиленная колхозно-совхозной уравниловкой, оказалась очень стойкой и влияла на развитие сельского хозяйства России в течение всего века. Очередная попытка ее разрушения на исходе века не сформировала частно-капиталистической фермерской психологии, а привела к расширению полунатурального и мелкотоварного крестьянского хозяйства, усилив аграрный характер менталитета не только сельского, но и городского населения.

В проникновении рыночных механизмов в село можно выделить территориальные закономерности. На **рис. 3.6.1** сделана попытка сопоставить некоторые индикаторы рыночного капиталистического развития сельского хозяйства в 1913 и 1994 гг. Для 1913 г. использовались показатели выхода на отруб и хутора из общины, уровень производительности труда и доходности в сельском хозяйстве. Найти аналогичные индикаторы для конца века трудно. Их заменили показатели соотношения фермерского и личного подсобного хозяйства населения, степени преобразования колхозов и совхозов и производительности труда одного занятого в сельском хозяйстве. Ввиду дефектности каждого из показателей о ростках капитализма судилось по их сочетанию. Карты начала и конца века во многом похожи: выделяются Северный Кавказ и Нижнее Поволжье, лидирующие по числу фермеров, а также пригороды Москвы и Петербурга, только диффузия нововведений в середине 1990-х гг. несколько шире.

Таким образом, только в конце XX в. после длительного вынужденного перерыва страна вернулась к аграрным преобразованиям начала века, причем масштаб «Ельцинских» реформ значительно уступает замаху и промежуточным результатам реформы «Столыпинской».

Выживут ли коллективные предприятия?

Рис. 3.6.1. Отдельные индикаторы развития капитализма в сельском хозяйстве России в начале (А) и в конце (Б) века

А: 1 — территории, где более 20% домохозяйств взяли землю в собственность (от общего числа владеющих землей на общинной основе), 2 — территории с повышенной выработкой одного занятого и доходностью хозяйств.

Б: 1 — области, где доля земель, занятая фермерами превышает долю земель в личных хозяйствах населения; 2 — области, где более 70% колхозов и совхозов преобразовано в новые формы (АО, ТОО и до) или распались; 3 — области с повышенной выработкой продукции на одного занятого в сельском хозяйстве.

Выживут ли коллективные предприятия?

Уделим немного места судьбе российских колхозов и совхозов, ведь они являлись одним из символов XX столетия. Чтобы понять, что с ними происходит на рубеже веков, попробуем их показать, как бы поднимаясь по масштабной лесенке от предприятия к району, области и до страны в целом.

Ситуация в любом глубинном Нечерноземном районе кажется удручающей. Например, в Касимовском районе, расположенном на севере Рязанской области, из 23 коллективных предприятий только одно имело в 1999 г. урожайность зерновых свыше 14 ц/га и лишь у восьми хозяйств надои молока от одной коровы получились хотя бы на среднероссийском уровне — около двух тонн в год. Половина хозяйств находится на стадии полного упадка, скот практически вырезан, люди не получают зарплату годами. Значительная часть земель заброшена, поля зарастают лесом.

В наилучшем положении оказываются те, кто смог превзойти средние по району показатели и выбиться в лидеры главным образом благодаря удачному управлению и большим оборотам — это 5–6 хозяйств, которые производят здесь больше половины молока и около 80% картофеля. *По сути все общественное производство вытягивают единичные хозяйства-лидеры.*

Таким образом, возникший в 1990-х гг. «дикий рынок» выявил *переизбыток обрабатываемых сельскохозяйственных земель и коллективных сельхозпредприятий*, особенно на периферии областей при малой плотности населения и неразвитой инфраструктуре. Это, правда, не вяжется с долго существовавшим дефицитом продуктов. Но дефицит этот был связан с плановой системой распределения продовольствия, большими потерями продукции, достигавшими 40%, и низкой производительностью труда и земли. Произошедшая сегрегация показала, что *около четверти периферийных хозяйств, вписавшихся в новые условия, вполне способны обеспечить продовольствием население своих регионов, но не крупнейших городов.*

У слабых хозяйств есть разные перспективы. Они могут: а) быть присоединены к сильным, поскольку тем не хватает земель; б) быть приобретены переработчиками, хотя последние предпочитают иметь дело с сильными предприятиями; в) сдавать свои земли в аренду или продавать их в тех регионах, где на землю есть спрос; г) разделиться на мелкие и индивидуальные хозяйства; д) резко уменьшить или вообще прекратить обработку земель, создать кооперативы по заготовке сена, сбору грибов, ягод (особенно подходит для лесной глубинки). Кризис 1990-х по сути привел в соответствие возможности хозяйств по обработке земель и содержанию скота с их реальной деятельностью. Главное, не надо искусственно подталкивать хозяйства к распашке площади, большей, чем та, на которой они способны обеспечить приличную продуктивность, и требовать от них содержания поголовья скота большего, чем они способны достойно прокормить, — т. е. *не поддерживать дотациями нерациональную специализацию предприятий, как это делалось долгие годы при социализме.*

Поднимемся на ступеньку выше, перейдя на другой масштаб исследования, и посмотрим, есть ли объективные факторы, влияющие на выживание предприятий и не зависящие от личностных особенностей председателей и директоров?

Если сравнить общий объем потребления продуктов населением и собственное производство, то окажется, что сельское хозяйство большинства регионов России даже после сильного падения производства способно обеспечить свое население (но не население крупных городов) молоком, яйцами, картошкой и даже вывозить их (Нефедова, 2000, б). Где же эти предприятия, на которых все держится?

В той же Рязанской области, о которой только что говорилось, четверть административных районов-лидеров производят половину мяса, молока и картошки, более 90% яиц и овощей, т. е. концентрация производства довольно велика. Это административные районы двух типов: пригородные вокруг областного центра Рязани и южные, причем первые чувствуют себя даже лучше, несмотря на то, что уступают южным по плодо-

родию почв. Если сравнить урожайность зерновых культур двух лучших районов Рязанской области, расположенных рядом с областным центром, и двух худших на восточной периферии, то разница достигнет 2,5 раз, то же — по надоям молока от одной коровы. Перепады в валовой продукции на единицу угодий достигают 11 раз. При этом по сравнению с 1980-ми гг. эта разница только возросла.

Иными словами, и на уровне районов наблюдается то же, что видно было при анализе предприятий: производство, как и в прежние десятилетия, только гораздо активней, стягивается в наиболее жизнеспособные ареалы. Жизнеспособность имеет на региональном уровне вполне объективные причины и связана либо с наиболее благоприятными природными предпосылками, либо с влиянием городов. Кризис лучше выдержали хозяйства, расположенные ближе к областному центру. Это говорит о том, что *центрально-периферийный градиент сельскохозяйственного производства, характерный почти для всех регионов России, но особенно заметный в ее Нечерноземной части, в годы кризиса и реформ только усилился.*

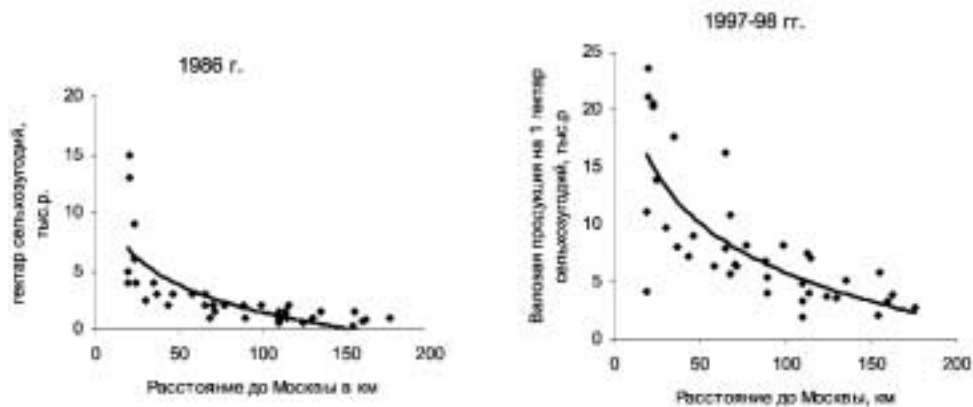
Это усиление заметно и в пригородном сельском хозяйстве Подмосковья. Конечно, Москва опирается на сельское хозяйство всей России, а не только Подмосковья. Прежде Россия могла обеспечить своими силами потребности Москвы лишь на треть, вторую треть давали союзные республики, остальное — импорт. Во второй половине 90-х гг. Москва зависела от импорта на те же две трети. Сельское хозяйство Московской области способно обеспечить свое население и население Москвы картофелем на две трети, овощами — на треть, молоком — на 20%, мясом — на 7% (Нефедова 2000, 6). В Московской области в конце 90-х гг. максимальная отдача сельскохозяйственных земель была характерна для ближайших к Москве районов, а самые низкие значения для крайних запада и востока области. Перепады между ближайшими к Москве и окраинными районами в выходе валовой продукции сельского хозяйства на единицу угодий за 1990-е гг. возросли с 10 до 20 раз и даже больше, чем в Рязанской области (Иоффе, Нефедова, 2000).

Это видно на графиках распределения удельного выхода валовой продукции по мере удаления от Москвы (**рис. 3.6.2**). Примерно так же, только с меньшим наклоном кривой, выглядит и урожайность зерновых. Таким образом, и здесь происходит концентрация производства в ближайших к столице районах с наиболее сильными предприятиями.

Пригородные подмосковные предприятия на общероссийском фоне и на фоне кризиса 1990-х гг. выглядят относительно благополучными. Например, в подавляющем большинстве хозяйств области надои молока от одной коровы больше среднероссийских показателей, а во многих превышают 4 тонны в год. При этом коллективные монстры не только не желают делиться на более мелкие, но *существует явная тенденция к дальнейшему укрупнению — предприятиям явно не хватает земли.* Проблемы усиливаются изъятием сельскохозяйственных земель администрациями районов и настулением городов.

В целом в Московской области, в отличие от глубинки, примерно две трети хозяйств адаптировались к новым условиям. Что касается тех предприятий, которые оказались

Рис. 3.6.2. Аппроксимирующая кривая выхода валовой продукции сельского хозяйства на единицу угодий Московской области в 1997–98 гг.

«за бортом», то они будут либо проглочены своими удачливыми соседями, либо вытеснены не без помощи администраций дачниками и «новыми русскими», активно застраивающими коттеджами окраины полей.

Еще одна ступенька вверх позволяет увидеть межрегиональные географические сдвиги в Европейской России в 1990-х гг., прежде всего по основным рассматриваемым в предыдущей главе осям: север — юг и запад — восток.

Растениеводство оказалось более мобильным в условиях кризиса, причем меньше пострадали северные — менее плодородные, не специализированные нетоварные регионы, т. е. те регионы, где был возможен быстрый переход к полунатуральному и мелкотоварному хозяйству. Отсюда — резкое «проседание» производства юга России (табл. 3.6.4). И их товарное хозяйство, лишившись госзаказа, сначала пострадало сильнее. Но юго-запад страны от Белгородчины до Кубани и Ставрополя — это полнокровное, благоустроенное село, густая сеть дорог и относительно высокие (по российским меркам) урожаи. Их подъем несколько задерживается по сравнению с Нечерноземьем, но уже к рубежу веков его признаки заметны, и он будет гораздо более бурным и значительным при создании благоприятных условий.

Отмеченный в середине века сдвиг сельскохозяйственного производства на восток, затормозившийся и даже повернувшийся было назад к 1990-м гг. (см. главу 4.1), вновь четко обозначился в последнее десятилетие. Из-за кризиса упала роль не только северо-кавказских, но и центральных регионов (таблица 3.6.4). Та же тенденция прослеживается и в пищевой промышленности, только здесь заметно и увеличение роли Москвы и С.-Петербурга. В торговле именно Москва совершила резкий скачок, сконцентрировав

Выживут ли коллективные предприятия?

Таблица 3.6.4. Доля крупных экономических районов, Москвы и С.-Петербурга в численности населения и АПК России, в %

	Доля в населении		Доля в с/х продукции		Доля в продукции пищевой промышленности	
	1990	1998	1990	1997	1990	1997
Россия	100	100	100	100	100	100
Север	4,1	3,9	2,9	2,9	4,5	3,1
Северо-Запад с Калинингр. обл.	6,2	6,1	4,1	3,5	6,1	7,4
С.-Петербург	3,4	3,2			2,8	4,7
Центральный р-н	17,0	20,2	15,7	14,5	17,5	20,6
Москва	6,1	5,9			6,3	9,8
Волго-Вятский р-н	5,7	5,7	6,8	6,3	4,3	4,5
ЦЧР	5,2	5,3	7,7	8,0	6,6	5,6
Поволжье	11,2	11,5	13,5	14,3	9,9	9,6
Северный Кавказ	11,5	12,0	15,0	12,4	13,6	7,6
Урал	13,9	13,7	13,3	15,3	9,6	10,8
Западная Сибирь	10,2	10,3	10,5	11,3	7,0	7,7
Восточная Сибирь	6,2	6,2	5,8	7,2	3,7	4,0
Дальний Восток	5,4	5,0	4,8	4,2	9,8	7,2

Источники: *Народное хозяйство РСФСР, 1991; Сельское хозяйство в России, 1998; Социально-экономическое положение России, 1999.*

в 1998 г. более трети розничного торгового оборота пищевыми товарами взамен четверти в 1990 г.

Подобные «сдвиги» прослеживаются и в производстве отдельных продуктов. Например, доля Северного Кавказа в производстве мяса с 1990 по 1999 г. уменьшилась с 15,6 до 13,2%, яиц — с 11,9 до 9,7%, а доля Урала и Сибири возросла, например, по производству мяса соответственно с 13,3 до 16,3% и с 17,7 до 19,1%. Т. е. Европейская Россия, особенно ее западные части, заметно сдала свои позиции.

В 1990-х гг. выявляются два явных направления межрегиональных сдвигов АПК:

1 — уменьшение роли традиционных для сельского хозяйства факторов биоклиматического потенциала и сельских трудовых ресурсов и концентрация пищевой индустрии и даже сельхозпроизводства в крупногородских регионах;

2 — увеличение роли уральских и сибирских регионов в сельскохозяйственном производстве, переработке и торговле продуктами. Последнее отчасти связано с резким увеличением стоимости транспортных услуг и их доли в конечной цене продукта.

Увеличение роли десяти самых урбанизированных регионов хорошо видно в **табл. 3.6.5.** А в первой двадцатке (которая, естественно, включает и упомянутую выше десятку) этого уже нет. Т. е. «подтягивают» к себе сельскохозяйственное производство только самые мощные городские агломерации.

Региональные подвижки, в том числе и сдвиг на восток, можно проследить и по смене лидеров сельскохозяйственного производства (**табл. 3.6.6**). Устойчивое положение в ранжировке занимают только два региона: Краснодарский край — 1-е место в 1980, 1990 и 1997 гг., Ставрополье — 5-е место. При этом их доля в общем производстве до 1999 г. падала. Но на Кубани она была столь высока, что, несмотря на падение ее доли с 6,2 до 4,4%, лидерство сохранено. Но зато есть регионы, которые увеличили свой относительный вклад в «закрома Родины». Это регионы раннего старта, т. е. те, которые начали концентрировать производство уже к 1990 г. Прежде всего, Московская, Свердловская, Самарская, Нижегородская области — т. е. все урбанизированные регионы с мощными городами. Часть из них продолжали концентрировать производство и в 1990-х гг., а Московская и Нижегородская области несколько сдали. Вторая группа — регионы позднего старта — т. е. те, что лучше адаптировались уже к кризису 90-х гг. Это, прежде всего, Татарстан и Башкортостан (которые пытаются избежать реформ) и некоторые восточные агрорегионы (Красноярский край, Иркутская, Челябинская области).

Концентрация агропроизводства, которая в 1991 г. заметно уменьшилась по сравнению с 1980, к 1997 г. вновь возросла. 20 регионов-лидеров производили 52% продукции, а первая десятка — почти треть.

Таблица 3.6.5. Доля в агропродукции России регионов с наиболее благоприятными природными условиями, наиболее урбанизированных и с самой высокой плотностью сельского населения, в %.

	1980	1991	1997
10 регионов с наилучшим природным потенциалом	19,4	17,8	15,7
10 регионов с наивысшей плотностью городского населения	12,6	15,4	15,7
10 регионов с наивысшей плотностью сельского населения	17,2	16,7	13,4
20 регионов с наилучшим природным потенциалом	33,0	30,5	27,8
20 регионов с наивысшей плотностью городского населения	37,7	33,8	33,1
20 регионов с наивысшей плотностью сельского населения	31,4	31,4	30,6

Таблица 3.6.6. Лидеры сельскохозяйственного производства в 1980, 1990 и 1997 гг.

Регионы	Место в ранжировке			Доля в агропродукции России, в %		
	1997	1991	1980	1997	1991	1980
Краснодарский край	1	1	1	4,1	4,92	6,16
Респ. Башкортостан	2	4	3	4,0	3,04	3,75
Респ. Татарстан	3	7	6	4,02	2,69	2,95
Московская обл.	4	3	8	3,00	3,31	2,80
Ставропольский кр.	5	5	5	2,79	2,96	3,27
Ростовская обл.	6	2	2	2,71	3,46	4,21
Красноярский край	7	16	12	2,69	1,96	2,52
Саратовская обл.	8	8	9	2,53	2,42	2,64
Свердловская обл.	9	14	20	2,42	2,00	1,76
Алтайский край	10	6	4	2,36	2,77	3,56
Волгоградская обл.	11	9	13	2,33	2,38	2,47
Новосибирская обл.	12	12	10	2,26	2,08	2,63
Воронежская обл.	13	13	7	2,24	2,08	2,81
Омская обл.	14	22	11	2,23	1,65	2,60
Челябинская обл.	15	18	16	2,22	1,82	2,06
Самарская обл.	16	15	18	2,21	2,00	1,90
Оренбургская обл.	17	10	14	2,09	2,31	2,41
Иркутская обл.	18	33	37	2,07	1,38	1,21
Пермская обл.	19	19	26	1,84	1,69	1,48
Нижегородская обл.	20	11	17	1,83	2,23	1,93
Доля 10 лидеров				31,0	30,2	34,8
Доля 20 лидеров				52,3	49,7	56,5

В целом, произошедшая в годы кризиса поляризация хозяйств и регионов и концентрация производства в наиболее сильных при сохранении средних и бедствовании слабых говорят о том, что в коллективном сельскохозяйственном секторе есть полюса роста, на которые может опираться производство продовольствия в России. Становится все очевиднее, что Россия обречена сочетать разные формы ведения сельского хозяйства: коллективные хозяйства, фермерские, хозяйства населения.

Агропромышленная интеграция сверху и снизу

Одновременно на рубеже XX и XXI веков стала возрождаться вертикальная кооперация, о которой в начале века писал А. В. Чаянов. Теперь она иная и осуществляется двумя путями — сверху и снизу. Кооперация сверху, или новый тип агропромышленного комплекса (АПК), по существу идет от пищевой промышленности. Имея постоянный спрос и расплату живыми деньгами, она в годы кризиса занимала второе место по привлечению инвестиций, в том числе и иностранных, после топливного сектора. Но возрождение пищевой промышленности, будь то мощные комбинаты в крупных городах или отдельные цеха, возникающие на руинах провинциальных заводов, требует сырьевой базы. А в сельском хозяйстве производство так сильно упало, что спрос пищевиков уже упирается в дефицит сырья. Тогда они либо приобретают агропредприятия в собственность, налаживая на них производство по более продуктивным технологиям, либо инвестируют в сильные и устойчивые коллективные хозяйства, способные выдержать их требования, усиливая тем самым сегрегацию сельскохозяйственных предприятий (Нефедова, 2000 а).

Есть и другие модели агропромышленной «связки». Это создание агрофирм предприятиями, далекими от сельского хозяйства. Но это уже не былые агроцеха, где ученые и инженеры сажали картошку. Сегодня речь идет о промышленных конгломератах, обросших побочными производствами, включая мясомолочные, маслособойные, а то и вино-водочные. Отсюда потребность в сырьевой базе, обзавестись которой нетрудно, когда кругом хватает бедствующих коллективных хозяйств.

Другой путь вертикальной интеграции «снизу» — это зачатки кооперации населения между собой и с фермерами. У последних есть предпринимательская хватка, порой свои перерабатывающие линии, но маловато земли, а значит сырья — молока, мяса и т. п. Вот это сырье они и находят у населения, которому трудно самому сбывать свою продукцию. Очевидно, что это ростки новых форм кооперации, идущей снизу и основанной на разделении труда при сохранении частной (личной) собственности.

Это та самая вертикальная кооперация, позволяющая сохранять индивидуальные хозяйства, но помогающая им вписаться в рынок при развитии товарно-денежных отношений, о которой писали ученые русской аграрной школы в начале века, в частности А. В. Чаянов, и за которую они заплатились жизнью, когда возобладала коллективизация.

Региональные пути выживания сельской местности

Пути выживания современного российского сельского хозяйства и сельской местности, тесно с ним связанной, могут оказаться многообразными, если не навязывать сверху голые схемы, а учитывать сложившиеся реалии, причем разные в разных районах. Недаром так различаются по отношению к реформам север и юг России. В Черноземной полосе, где село заметно выиграло от социалистических преобразований, население и руководство постоянно отвергало навязываемую из центра модель реформ. Куда ближе им элементы внутрихозяйственного хозрасчета 80-х гг. Это район с наименьшим и к тому же сокращающимся числом фермеров на 1000 сельских жителей. На юге ситуация сложнее. Притягательность территории для переселенцев, благоприятные природные условия, активность местных жителей — все это вывело Ставрополье и Краснодарский край в чемпионы по числу фермеров, высоко их число и в Поволжье. Однако колхозное крестьянство здесь весьма консервативно, показатели коллективных хозяйств оставляют желать лучшего, а сепаратистские действия региональных властей, запрещающие вывоз сельскохозяйственной продукции, подрывают экономические условия местных агропроизводителей. Поэтому лучшие хозяйства, как коллективные, так и фермерские, вынуждены отчаянно маневрировать.

В Нечерноземье — совсем иной букет проблем. Бегство населения в города и запустение села в историческом центре России, низкая продуктивность как результат видимой порочности экономической политики социализма, сподвигли власти на более активное проведение аграрных реформ. Но и здесь налицо разрыв между реформаторским настроением политической элиты и консерватизмом сельского населения, особенно в глубинке. Очень велики и экономические различия между пригородными, полупериферийными и периферийными районами областей.

Итак, деревня в конце XX века после постоянных преобразований так и не нашла себя и постоянно нуждается в помощи. Тем не менее история доказала, что развитие агропроизводства возможно только при опоре на сильные хозяйства и поддержке середнячков (будь то частные или коллективные предприятия). Слабым же нужна не столько поддержка производства, которое поглощает деньги без отдачи, сколько социальная помощь по выживанию сельских общин, неизменным компонентом которых стали и колхозы.

Закончить можно словами Б. Б. Родомана (1996): «Избави нас боже от новых земельных реформ! Пусть эти два полюса сельской жизни, два монстра, колхоз и крестьянский двор, сплетаясь во внешне противоестественном акте то ли любви, то ли ненависти, поддерживают и душат, питают и грабят друг друга, и так они вместе что-то выработают при минимальном вмешательстве государства. Но только не надо никаких всероссийских программ, никакой единой реформы сверху, она будет новой катастрофой».

Часть четвертая

**Город и деревня:
перемены ролей
и отношений**